

АННА РОЖКОВА

ХАЛОПУК

Анна Владимировна Рожкова

Хлюпик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68356624

SelfPub; 2022

Аннотация

Павел – успешный психолог и примерный семьянин. Но у всех нас есть свои скелеты в шкафу, даже у успешных психологов и примерных семьянинов. Никто не поможет Павлу побороть свои страхи, кроме него самого.

Анна Рожкова

Хлюпик

Он был в комнате один, в полной темноте, с предчувствием надвигающейся опасности. В коридоре гулким эхом отдавались тяжелые шаги, звякнула пряжка, со скрипом открылась дверь: «Хлюпик, сымай штаны». Павел с криком открыл глаза и застонал от боли в затылке.

– Паша, Пашенька, – откуда-то сбоку раздавались всхлипы. Он с трудом повернул голову и сфокусировал взгляд на рыдающей жене. – Как же ты нас всех напугал, ты ведь мог погибнуть, ты понимаешь? – монолог прервался рыданиями.

– Ну, прекрати, видишь, я живой, – Павел попытался утешить жену, насколько позволяло его состояние.

– Сдался тебе этот котенок, я бы еще поняла, ребенок, но котенок, – всхлипывала Карина. – Ты бы хоть о детях подумал, что бы я им сказала, что их отец героически погиб, спасая котенка?

– Вам пора, больному нужен покой, – врач вывел Карину из палаты, за что Павел был ему очень благодарен. Он действительно смертельно устал, клонило в сон, глаза слипались.

Павел очень хотел объяснить жене, что дело вовсе не в котенке, а в нем самом, вернее, в его страхе, который ему никак не удавалось побороть. Но, каждый раз, когда он уже,

кажется, был готов все рассказать, решимость куда-то улетучивалась, а слова застревали в горле и отказывались выходить наружу. Никто не мог ему помочь, только он сам. Уж кому это может быть известно лучше, чем ему. «Психолог, блин, с незакрытым гельштатом и кучей комплексом», – выругался Павел, злой на самого себя.

«Надо бить так, чтобы уср*ся, а потом опять бить, за то, что уср*ся» – это была любимая шутка его отца, не просто шутка, а, можно сказать, девиз, знамя, которое он нес по жизни с высоко поднятой головой. Павлу не повезло, что его отец служил в армии, пусть в штабе, как выяснилось позже, но это ничего не меняло, по крайней мере, для Павла. От службы в армии у отца осталась кривая выцветшая татуировка на предплечье, любовь к тельняшкам, армейский кожаный ремень с железной пряжкой с выгравированной звездой и склонность к телесным наказаниям с помощью этого самого ремня.

– А, ну, хлюпик, сымай штаны, бить буду, – говорил отец и Павлик послушно спускал портки, убирал от греха подальше очки и зажмуривал глаза.

Первый удар обжигал, словно на кожу плеснули кипятком, от второго из глаз сыпались искры и лились слезы, третьего удара Пашка пытался избежать, отползая в сторону, но отец неизменно его ловил и доводил начатое до конца. После такого воспитания Пашка доползал до кровати, сворачивался

калачиком и рыдал, а потом несколько дней не мог сидеть на пятой точке, чем постоянно вызывал раздражение учителя.

– Ну, хлюпик, кончай реветь, – орал отец, и Пашка старался хныкать как можно тише. В такие моменты он хотел исчезнуть, испариться, даже умереть. Он представлял себя в маленьком гробике и рыдающих над его бездыханным телом отца и мать. Пашка видел такое в кино. Хотя, отец никогда не плачет, не заплачет даже если Пашка умрет. В отличие от Пашки папка сильный, не хлюпик вроде него.

– Витька, ты что, опять за свое? – причитала вернувшаяся с работы мать и начинала хлопотать вокруг Пашки.

– Танька, не смей, – свирепел отец, – растишь из пацана хлюпика, он мужиком должен быть.

– Пашенька, снимай штаны, я тебя смажу, – продолжала она, не обращая внимания на мужа. – За что на этот раз? – спрашивала Татьяна Ивановна, намазывая Пашкину попу мазью, которая приятно холодила ссадины.

– А что, нужен повод? Знаешь поговорку: мужик смотрит, цыган дает сыну деньги, банку для сметаны и подзатыльник со словами: «Не разбей». Мужик спрашивает: «Ты за что его? Он же еще не разбил». «Когда разобьет, поздно будет», – ответил цыган. Так-то, – папка довольно крякал. – А ты, Пашенька, Пашенька, тьфу. Вот когда он перестанет реветь, как девчонка, тогда перестану воспитывать, – говорил досадливо отец и выходил на порог покурить. У Пашки никак не получалось не реветь во время воспитательного про-

цесса, слезы произвольно катились из глаз, не давая ни одного шанса прекратить воспитание.

На самом деле отец был слабым мужичонкой, не способным обеспечить семью, перебивался случайными заработками, вынуждая мать пахать с утра до глубокой ночи. Самоутверждался он за счет сына. Чтобы это понять, нужно было окончить институт и стать дипломированным психологом.

Когда Пашке было десять, отец ушел, оставив записку: «Танька, не поминай лихом». «Даже попрощаться по-человечески духу не хватило», – причитала мать, но Пашка в душе ликовал. Радость замутнялась чувством вины: отец ушел, мать плачет, а он радуется. Но все равно Пашка не мог не радоваться. Он честно пытался утешить горящую мать, но не мог.

Папка ушел, но вместо него пришел сон. Он мучал Пашку регулярно, оставляя его с гулко колотящимся сердцем и потными ладошками.

Пашка был в комнате один, в полной темноте, с предчувствием надвигающейся опасности. В коридоре гулким эхом отдавались тяжелые шаги, звякала пряжка, со скрипом открывалась дверь: «Хлюпик, сымай штаны». Пашка громко орал и будил мать.

– Сынок, ты что, опять? Подожди, я сейчас. – Простынь под Пашкой была мокрой, а ведь ему уже десять. – Ничего, ничего, потерпи, – до самого утра Пашка боялся засыпать, трясся даже в самую теплую ночь так, что зуб на зуб не по-

падал и тихонько плакал, чтобы не разбудить мать, ей утром на работу.

Когда Пашке было тринадцать, случилось страшное. Нет, отец, слава богу, не вернулся. Пашка возвращался домой из школы, когда услышал сзади:

– Эй, ты, хлюпик.

Он понял, что будут бить, снял на всякий пожарный очки, крепко зажмурился. И ничего, только послышались удаляющиеся смешки. Пашка рискнул открыть один глаз, он стоял в собственной луже.

С этого дня Пашка решил, что больше не будет хлюпиком. Он записался в секцию бокса и не пропускал ни одной тренировки, остервенело бил грушу со словами: «Хлюпик, хлюпик», пока в голове что-то не взрывалось, тогда от груши его в полуобморочном состоянии оттаскивал тренер.

– Паша, я за тебя боюсь, ты себя не контролируешь.

– Я сам за себя боюсь, – искренне отвечал Пашка.

Одни соревнования, другие, первенство края, КМС, но сон приходил с прежней регулярностью, мочиться Пашка перестал, но страх остался. Он занозой сидел глубоко внутри и нарывал, нарывал. Профессия сама нашла Павла, ему нужно было в первую очередь помочь себе, потом – другим. Только вот другим помочь получалось, а себе нет. «Я плохой психолог, хлюпик», – корил себя Павел.

Однажды, уже после института, он рискнул поговорить с матерью.

– Мам, а почему меня папка не любил?

– Да не твой он папка, потому и не любил. Он на мне женился, когда я беременная была. Нагуляла, а он спас, выходит. Но тебе за это мстил, за меня мстил, – она зарыдала.

Открытие было неожиданное, Пашка не знал, как ему реагировать: радоваться или печалиться, но на сие это никак не отразилось.

После женитьбы на Карине он будил своими криками жену. Павел сам настоял, что будет спать отдельно. Сон? Разве это можно назвать сном? Мучение.

В тот злополучный день Павел просто шел мимо, поодаль валил густой дым. Пожарные еще не подъехали, деревянный дом полыхал словно факел, в окне второго этажа жалобно мяукал котенок. Слова женщины в толпе: «Жалко бедняжку, да ничего не поделать» подтолкнули Павла, не задумываясь он бросился внутрь, взлетел на второй этаж, схватил в охапку котенка и ринулся по ступеням вниз, но не успел, что-то больно ударило по голове, и он отключился. Почти классическое: потерял сознание, очнулся, гипс.

Павел задремал. Он был в комнате один, в полной темноте, с предчувствием надвигающейся опасности. В коридоре гулким эхом отдавались тяжелые шаги, звякала пряжка, со скрипом открывалась дверь: «Хлюпик, сымай штаны». Пашка громко произнес: «Я не хлюпик» и проснулся.

Больше сон не повторялся.